

Элегия в греческом роде (1863)

Глібов Леонід Іванович

Мою Дульцинею люблю я сердечно,
Немножко с желаньем нескромным, конечно,
    Но это еще не беда,—
А вот что досадно — что мучаюсь даром,
Что страсть-то моя, запылавши пожаром,
    Исчезнет, как сон, без следа.
Не даст мне Эрот, хоть бы так, ради шутки,
Влепить поцелуй в ее алые губки
    Под тенью душистых ветвей,
Чтоб в роще Дриады, услышав, проснулись,
Чтоб пышные розы в кустах колыхнулись,
    Чтоб смолкнул в тот миг соловей...
«Мечтатель, мечтатель! — мне шепчет Психея.—
Напрасны желанья, пустая затея —
    Тому никогда не бывать.
Тебе ли дожждаться таинственной встречи?
Возможно ль боярские сладкие речи
    На ласки твои променять?..
Положим, что пламень любви твоей страстной
Прелестен, как образ Авроры прекрасной,
    Как пламень божественный, чист,—
Но все он не то, что комфорт столь отрадный,
Что звонкого золота блеск ненаглядный,
    Что бархат, и шелк, и батист...
Поверь, о поэт мой! Любви идеальной
Нигде ты не сыщешь в юдоли печальной,
    И боги ее не спасли.
Венеру сменила Камелия в свете,
Амур разъезжает джентльменом в карете,
    А музы в актрисы пошли.
Остались одни лишь неверные жены;
Мужья-простофили сидят, как вороны,
    Не смотрят на злую молву...»
Гляжу на Психею: в очах ее — слезы...
Разбились в прах мои светлые грезы...
    О боги, зачем я живу!

[1863]